

ИДЕЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ 1905–1906 гг.

Старостенко Виктор Владимирович

проректор по научной работе учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»;
кандидат философских наук, доцент (г. Могилев, Беларусь)

Уже на рубеже XIX–XX вв. в либеральных кругах и части политической элиты Российской империи формируется убеждение в необходимости смягчения существующего религиозного законодательства. Попытками сглаживания конфессиональных противоречий стали Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. и Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., однако удовлетворить общественные ожидания они не смогли. Тема свободы совести нашла отражение в программных документах ряда политических партий [1, с. 142–147, 159–174], а в Государственной думе, начиная уже с ее первого созыва (1906), дебатировался вопрос о реформе вероисповедного законодательства.

В дискуссиях о реформировании религиозного права особое место занял законопроект «О свободе совести», внесенный в Государственную Думу 12 мая 1906 г. группой депутатов из партии кадетов (Конституционно-демократической партии, др. – партия Народной свободы). Кадеты имели крупнейшую думскую фракцию (около 36% всех депутатов), но до официального рассмотрения данного законопроекта в условиях 72-дневного периода работы I Думы (27 апреля – 8 июля 1906 г.) дело не дошло.

Основывался законопроект кадетов на партийной программе, принятой 12–18 октября 1905 г. Та в разделе «Основные права граждан» декларировала равенство российских граждан перед законом «без различия пола, вероисповедания и национальности» и объявляла, что каждому гражданину обеспечивается «свобода совести и вероисповедания», не допускаются преследования за «верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения». Предусматривалось, что «Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки». [2, с. 58; 3, с. 41]

Кадетский проект закона о свободе совести от 12 мая 1906 г. предварялся пространной Объяснительной запиской. В первой ее части обосновывается, что «принцип свободы совести» Основным государственным законам Российской Империи «не чуждъ». «Свобода совести, – не вполне точно цитируются

«Основные государственные законы», — ...присвоается не только христианамъ иностранныхъ исповеданій, но и евреямъ, магометанамъ, язычникамъ...»¹. Согласно Своду учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных, «все, не принадлежашіе къ... [Православной] церкви, подданные государства и иностранцы, въ ономъ пребывающіе, пользуются повсеместной свободой отправленія своей веры и богослуженія...».

Однако, утверждают авторы законопроекта, «этотъ великій принципъ [свободы совести] не нашель себе осуществленія въ законодательныхъ нормахъ и темъ более въ практике государственнаго управленія». Напротивъ, «долгіе годы Россія жила подъ режимомъ несвободы совести». Обосновывается это тем, что «право распространять свое вероученіе предоставлялось одной православной церкви», а «духовныя и светскія лица прочіихъ христианскихъ исповеданій строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденіямъ совести, не принадлежащихъ къ ихъ религи», под страхом уголовного преследованія. Еще большіе ограничения содержатся в специальномъ законодательствѣ об отдельныхъ христианскихъ и нехристианскихъ исповеданіяхъ, в т.ч. «раскольниковъ и сектантовъ», имеет место и «настоящее преследованіе».

По мнѣнію кадетов, ограниченіе свободы совести губительно для страны, поскольку «вызывало острую враждебность, колебало самыя основы національнаго мира и наносило великій вредъ общегосударственной крепости и мощи». Обращали они вниманіе и на двойственное положеніе самой Православной церкви: «пользующаяся внешнимъ привилегированнымъ положеніемъ, но сдавленная государственной опекой... только страдаетъ отъ этого режима, отнимающаго у нея возможность нравственнаго воздѣйствія и авторитетъ».

Оценивая мероприятия, предпринятые в вероисповедномъ вопросе правительствомъ (указы Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 г. и от 17 апреля 1905 г.), авторы законопроекта полагали, что те «не получили однако надлежащаго осуществленія», поскольку «слишкомъ глубоко укоренились бюрократическія традиціи и въ ведомствѣ православнаго исповеданія, и въ управленіи иностранными исповеданіями», а во многихъ частяхъ Россіи «религіозный вопросъ сплетается съ политическимъ и національнымъ». В особенности, отмечали они, «это относилось къ переходамъ въ католицизмъ среди обитателей различныхъ губерній Западнаго края и Царства Польскаго». Наконец, Указ 17 апреля не только «не дошелъ въ утвержденіи принципа религіозной терпимости до конца», поскольку не разрешилъ неправославнымъ исповеданіямъ свободное распространеніе своихъ вероученій, но и «ничего не говорилъ о правѣ не принадлежать ни къ какому исповеданію, правѣ, которое, очевидно, входитъ въ последовательно проводимый принципъ свободы совести». «Какъ съ нимъ несовместимо принужденіе, прямое или косвенное, къ принятію какой-либо религіи, — утверждали кадеты, — такъ несовместима и принудительная религіозность вообще».

¹ Данный фрагмент содержится в главе «О вере» Основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи, но там буквально провозглашается не «свобода совести», а «свобода веры».

Высоко оценивая Манифест 17 октября, в котором возвещалась воля монарха «даровать населению незыблемыя основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзовъ», кадеты отмечали, что последующие законодательные постановления не остались верны его духу. Тем самым «задача введения религиозной свободы въ Россіи осталась невыполненной». Полагая, что из «формъ свободы одною изъ важнейшихъ является свобода совести», они считали ее утверждение путем «къ нравственному обновленію Россіи, къ укреплению и возрожденію въ ней религиознаго чувства, къ водворенію въ ней взаимнаго согласія и мира».

Собственно «Основные положения законопроекта о свободе совести» включали семь статей. В первой из них гражданам империи гарантировалась «свобода совести», в связи с чем «никто не можетъ быть преследуемъ и ограничиваемъ въ какихъ бы то ни было правахъ на убѣжденія въ делахъ веры». Во второй объявлялось равноправие всехъ вероисповѣданій в богослужебной и обрядовой деятельности, распространении своихъ учений, если при этом не нарушается уголовный закон. В третьей – о запрете государственного принуждения к принадлежности к какому-либо исповѣданію. В четвертой – о недопустимости отказа в силу своихъ религиозныхъ убѣждений от исполнения гражданскихъ или политическихъ обязанностей, кроме случаев, установленныхъ законом. Пятая статья гарантировала лицам, достигшим 17-летнего возраста, право выхода изъ религиозной общины. Вероисповѣдное воспитание несовершеннолетнихъ было отнесено к решению родителей. Шестой пунктъ декларировал необходимость особаго закона для определения порядка ведения актовъ гражданского состоянія. Седьмая статья относила вопросъ о преподавании вероучения к особымъ узаконеніям, но устанавливала, что те не должны противоречить «началамъ свободы и равенства вероисповѣданій» [4, с. 8–12].

В целом законопроектъ партии кадетов от 12 мая 1906 г. «О свободе совести», предусматривавший равенство вероисповѣданій и допускавший право граждан на невероисповѣдное состояние, стал в Россійской имперіи исторически первой попыткой добиться легитимнымъ законотворческимъ путемъ полноценнаго правоваго обеспечения свободы совести. Особенности политической жизни Россіи, прежде всего нестабильность деятельности Государственной Думы, инертность политическаго мышления и недалковидность верховной власти, не позволили осуществить позитивное изменение религиознаго законодательства. Кроме того, сказывалась, по-видимому, и «тьнь огромныхъ крылъ» (А. Блок) обер-прокурора Святейшаго Синода (1880–1905) К.П. Победоносцева. По выраженію этого виднаго представителя идеологии национально-православнаго консерватизма, «государство безверное есть не что иное, как утопія невозможная к осуществленію, ибо безверіе есть прямое отрицаніе государства» [5, с. 315]. В финальномъ периоде российскаго самодержавія идеи кадетов, в том числе в области религіи, встречали некоторое пониманіе со стороны премьера-реформатора П.А. Столыпина [6, с. 95–97].

В дальнейшем, уже в новыхъ политическихъ условияхъ после паденія самодержавія, активные шаги по реформированію вероисповѣднаго права пред-

принимало Временное правительство. Заметим, что его позиция была во многом обусловлена персональным составом, формированием из представителей либеральных партий Государственной думы. Поэтому неудивительно, что в деятельности Временного правительства проявилась тенденция к созданию внеконфессионального правового государства.

Литература

1. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах: пособие: в 4 ч. – Ч. 3 : Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / авт.-сост. В.В. Старостенко, Э.В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова», 2015. – 260 с.
2. Полный сборник Платформ всех Русских Политических Партий с приложением Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. – Изд. второе. – СПб. : ННШ, 1906. – 130, [2] с.
3. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905–1918 гг.): хрестоматия; учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Д.С. Лавринович. – Могилев : УО «МГУ им. А.А.Кулешова», 2010. – 344 с.
4. Законодательные проекты и предположения Партии Народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1907. – XIX, 386 с.
5. Победоносцев, К.П. Государство и Церковь / К.П. Победоносцев; сост., предисл., коммент. О.А. Суржик; отв. ред. О.Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – Т. II. – 624 с.
6. П.А. Столыпин глазами современников / Под общ. ред. П.А. Пожигайло. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 367 с.